

Насколько близки Россия и Китай? Военно-стратегическое сотрудничество в международных отношениях¹

Александр Николаевич Королёв,

Ph.D., преподаватель факультета социальных наук Университета Нового Южного Уэльса, Сидней, Австралия; старший научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока (ИДВ) РАН, Москва.
E-mail: a.korolev@unsw.edu.au

После «поворота» России на Восток, ухудшения российско-американских отношений на фоне украинского кризиса, а также начала нового этапа активности Китая в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях всё чаще говорят об усиливающемся стратегическом партнёрстве и даже «союзе» России и КНР, которые противопоставляются мировой гегемонии США. Однако в литературе по международным отношениям (МО) нет чётко проработанной концепции такого «союза» (как и нет определений «партнёрства» или «сотрудничества»). Проблема усугубляется тем, что в исследованиях, посвящённых непосредственно российско-китайским отношениям, также нет однозначного понимания глубины, масштабов и перспектив военно-стратегического сотрудничества между Москвой и Пекином. Как следствие, объективно оценить развитие и текущую степень стратегического взаимодействия между РФ и КНР трудно. Это создаёт сложности в понимании современной международной политики, поскольку Россия и Китай являются ключевыми региональными и глобальными игроками и степень их военно-стратегической кооперации не только имеет последствия для региональной политики, но и влияет на то, как Москва и Пекин выстраивают отношения с США. В данной работе предпринята попытка выделить теоретически обоснованный набор объективных критериев военно-стратегического сотрудничества и применить его для оценки российско-китайских отношений после окончания холодной войны. Показана динамика развития российско-китайского стратегического взаимодействия и степень его соответствия критериям военного союза.

Ключевые слова: военный союз, стратегическое партнёрство, российско-китайские отношения.

¹ Некоторые из представленных теоретических положений, а также похожая стратегия анализа были ранее разработаны и опубликованы автором в статье [22].

How Close Are Russia and China?

Assessing Military-Strategic Cooperation in International Relations.

Alexander Korolev, University of New South Wales, Sydney, Australia; Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow, Russia. E-mail: a.korolev@unsw.edu.au.

After Russia's "turn to the East", the deterioration of Russia-US relations against the backdrop of the Ukraine crisis, as well as the new stage of China's assertiveness in the South and East China Seas, there have been an increasingly active discussion of the strengthening Russia-China strategic partnership, even an "alliance", that might balance against the American global hegemony. However, international relations literature lacks clearly defined concepts of such an "alliance" (as well as the definitions of "partnership" or "cooperation"). The problem is aggravated by the fact that in the literature on China-Russia relations there is also no consensus regarding the depth, scale, and prospects of military-strategic cooperation between Moscow and Beijing. Therefore, it is difficult to objectively assess the development and the extent of strategic cooperation between China and Russia. This creates difficulties for understanding the contemporary international politics because China and Russia are key regional and global players, and the degree of their strategic-military cooperation not only has a direct bearing on the regional politics but also affects the ways Moscow and Beijing develop their relations with the United States. This article attempts to identify a theory-grounded set of objective criteria of military-strategic cooperation and apply this set to assess Russia-China relations since the end of the Cold War. It shows the dynamics of Russia-China strategic cooperation and how well it fits with the military alliance criteria.

Keywords: military alliance, strategic partnership, Russia-China relations.

ВВЕДЕНИЕ

Оценка степени стратегического сотрудничества в российско-китайских отношениях после окончания холодной войны представляется весьма сложной задачей, главным образом ввиду отсутствия единого понимания его природы и формата. С середины 1990-х гг. в литературе использовалось множество недостаточно определённых и порой противоречащих друг другу формулировок, таких как «партнёрство» [21], «ограниченное партнёрство» [27], «стратегическое партнёрство» [47; 48], «ограниченное оборонительное стратегическое партнёрство» [26], а также термины, сопряжённые с понятием оси: «ось по расчёту» [28], «ось по необходимости» [24], «ось по уязвимости» [12]. Ещё больший сумбур в анализ российско-китайских отношений вносит применяющийся в ряде работ термин «союз»².

Ни одному из этих или других использованных понятий не дано определение, достаточно чёткое для того, чтобы стало возможным подвергнуть

² По употреблению термина «союз» (alliance) в анализе российско-китайских отношений см.: [43, p. 208; 30; 50, p. 798].

их систематической эмпирической проверке. Было приведено множество описаний и осуществлено большое количество исследований различных аспектов стратегического взаимодействия между Китаем и Россией [11; 15; 19; 31; 48; 49; 50]. При этом практически отсутствовали попытки разработать теоретически обоснованную систему критериев для оценки степени стратегического сотрудничества двух стран³, в результате чего знания о его масштабах в настоящее время остаются весьма ограниченными и неметодичными. Оценка Гилберта Розмана, сделанная 20 лет назад, актуальна и сегодня: аналитики «так и не пришли к единому общему мнению о том, что такое российско-китайское партнёрство, почему оно развивается, что оно означает и насколько устойчиво оно будет» [36, p. 396].

Обращение к литературе по международным отношениям не добавляет ясности. Так, в публикациях, посвящённых межгосударственным «союзам», можно обнаружить более 30 различных определений данного термина (российско-китайские отношения подпадают под одни, но не под другие) и только 2 систематические классификации, основанные на объективных показателях. В настоящее время обе они весьма устарели [17; 37]. Стивен Уолт использует термин «альянс» наравне с неформальным «союзом», не предоставляя параметры определения ни для первого, ни для второго [44, p. 1]. Майкл Уорд отмечает, что во многих работах используются три разных термина — «союз», «объединение» и «коалиция» — в одном значении [45, p. 14]. Согласно Томасу Уилкинсу, в литературе нет единого понимания и универсальной таксономии «союзов», а также других форм государственных объединений [46, p. 54]. В то же время термин «стратегическое партнёрство» (официальное название китайско-российских отношений) представляется ещё более спорным и, согласно некоторым оценкам, играет роль не более чем «просто фигурального выражения, которое используют дипломаты для сглаживания острых углов в условиях новых политических реалий» [20, p. 17].

Настоящая работа преследует две взаимосвязанные цели: первая — более конкретная, эмпирическая, вторая — более обширная, теоретическая. Первая заключается в максимально точной оценке стадии и траектории развития военно-стратегического сотрудничества между Россией и Китаем после окончания холодной войны. И смысл здесь не в том, чтобы придумать новое «название» отношений, а в том, чтобы методично измерить степень сотрудничества в указанный период. Тем не менее, поскольку в настоящее время нет единого понимания стратегического сотрудничества, достижение этой цели невозможно без реализации цели более обширной: создать объективную и дедуктивно обоснованную систему критериев для оценки стратегического сотрудничества, что позволит в дальнейшем применять её в рамках других исследований, при необходимости дорабатывая.

³ Редкое исключение: [47].

Представленная система предлагает следующий способ объективной оценки степени военного сотрудничества государств, согласно которому вместо простого перечисления рассматриваемые показатели могут быть соотнесены с различными стадиями сотрудничества — начальной, средней или продвинутой. Чтобы более эффективно отслеживать тенденции сотрудничества, в предложенном подходе также оцениваются его изменения в рамках каждой стадии — от низкого уровня к высокому, а не просто дихотомически кодируется наличие или отсутствие соответствующего показателя.

В первом разделе данной статьи обобщается литература, посвящённая альянсам, союзам, стратегическим партнёрствам и другим формам межгосударственных объединений, в целях создания порядковой и эмпирически верифицируемой системы критериев оценки военного сотрудничества. Во втором разделе разработанная система применяется для анализа развития отношений между РФ и КНР с момента окончания холодной войны. В третьем представлены основные выводы. Анализ показывает, что российско-китайские отношения в рассматриваемый период значительно укрепились и начали вступать в стадию, охарактеризованную в данной статье как «продвинутая».

1. ПОРЯДКОВАЯ СИСТЕМА КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В основе настоящего исследования лежат два методологических принципа. В рамках первого задача автора заключается в анализе уже фактически достигнутого, т.е. реализованного на практике сотрудничества, а не гарантий формальных договорённостей. Как подчёркивает Гленн Снайдер, исследования в этой области не должны ограничиваться официальными «союзами» или «альянсами», так как то, что действительно имеет значение и требует понимания, — это более обширное явление межгосударственного объединения, и союз является лишь его подвидом и способом формализации [41, р. 123]. Подлинное сотрудничество выражается в реальных действиях, а не в договорах. Так, некоторые негласные союзнические отношения, например между США и Великобританией, США и Израилем или США и Тайванем, превосходят отдельные официальные военные союзы (например, между Китаем и Северной Кореей или США и Таиландом) в плане фактической реализации взаимодействия в сфере обеспечения безопасности. Таким образом, отсутствие чётко прописанного пакта о союзе и взаимной обороне между Китаем и Россией не обязательно указывает на отсутствие фактического союза.

Второй принцип заключается в том, что предложенная система критериев является порядковой, т.е. одни показатели реализуются раньше других. В некотором смысле каждое эффективное партнёрство проходит через цикл становления. Институционализация сотрудничества

по прошествии определённого времени повышает его надёжность, снижая различного рода риски и позволяя эффективно действовать в случае потенциального военного конфликта [16; 25; 29; 39]. Институциональная структура стратегического партнёрства может постепенно перерасти в более тесный союз, или же она может двигаться в противоположном направлении, в сторону ослабления. Таким образом, повторное появление элементов раннего сотрудничества на более продвинутом этапе может означать регресс в отношениях.

С учётом данных принципов на рис. 1 представлено семь порядковых показателей прогресса военного сотрудничества, соотнесённых с тремя стадиями — начальной, средней и продвинутой — и включающих в себя два уровня развития — низкий и высокий. Каждый последующий показатель является прямым следствием предыдущего. Отдельные показатели, относящиеся к раннему взаимодействию, снимаются с повестки по мере их достижения. Гипотетически возможны ситуации, когда более продвинутые показатели могут реализоваться независимо от условий, соответствующих более ранним показателям. Тем не менее такие случаи являются скорее исключением и последовательность, как правило, сохраняется.

↑ Порядковые показатели сотрудничества	7	Единая оборонительная политика	Высокий	Продвинутая стадия
			Низкий	
	6	Размещение военных баз	Высокий	
			Низкий	
	5	Интегрированное военное командование	Высокий	
			Низкий	
	4	Регулярные военные учения	Высокий	Средняя стадия
		Низкий		
3	ВТС и обмен персоналом	Высокий	Начальная стадия	
		Низкий		
2	Механизм регулярных консультаций	Высокий	Начальная стадия	
		Низкий		
1	Меры по укреплению доверия	Высокий	Начальная стадия	
		Низкий		

Рис. 1. Стадии военного сотрудничества

Первым показателем, относящимся к самой ранней стадии сотрудничества, являются меры по укреплению межгосударственного доверия. Это индикатор слабого сотрудничества, так как путём реализации таких мер стороны предпринимают попытки снизить изначально высокую степень недоверия, разрешить конфликтные моменты (к примеру, вопросы, касающиеся территориальных границ государств) и таким образом снять их с повестки двусторонних отношений. Меры по укреплению доверия низкого уровня могут включать в себя экстренные контакты, направленные, например, на объяснение военной активности в зоне границы. Когда

все вопросы подобного плана решены, взаимодействие переходит на следующую ступень — укрепление доверия высокого уровня, которое может включать в себя демилитаризацию и десекьюритизацию общих границ, рутинизацию механизмов по разрешению споров или регулярный обмен информацией по вопросам обороны.

После реализации мер по укреплению доверия налаживаются механизмы регулярных военных консультаций (второй показатель). Согласно Гленну Снайдеру, регулярные консультации между союзниками — это обязательный аспект любого альянса [40, р. 350—362]. Подобные механизмы способствуют взаимному пониманию и увеличивают прогнозируемость дальнейшей динамики взаимодействия. Переход от мер по укреплению доверия к регулярным консультациям сопровождается сдвигом повестки от существующих проблем между сторонами к более широким вопросам региональной и глобальной политики. Смена низкого уровня высоким для данного показателя определяется созданием уникальных платформ, которые функционируют исключительно в рамках отношений между субъектами рассматриваемого взаимодействия и позволяют проводить регулярные встречи, тем самым углубляя сотрудничество.

Третий показатель, свидетельствующий о начале «средней» стадии стратегического взаимодействия, — военно-техническое сотрудничество (ВТС), которое сопровождается регулярным обменом военными кадрами. ВТС увеличивает взаимную зависимость, совместимость и интероперабельность военной техники, что может иметь решающее значение для союзников в случае возникновения вооружённых конфликтов, когда поставки оборудования и транспортно-снабженческая и техническая поддержка способны определять эффективность функционирования союза. Раскрытие специализированной технологической информации требует значительной степени доверия между сторонами. Более того, надлежащая организация ВТС подразумевает высокий уровень координации среди различных институтов (исследовательских центров, производителей, правительственных ведомств), введение общих процедур и стандартизацию обучения персонала. Выход на более высокую ступень взаимодействия в рамках ВТС отмечается переходом от стадии технической подготовки, связанной с закупкой оружия, к фактической передаче военных технологий и реализации долгосрочных проектов, имеющих своей целью совместное проектирование и производство вооружения и его компонентов.

Четвёртый показатель, завершающий среднюю стадию взаимодействия, — это проведение регулярных совместных военных учений, которые являются ещё одним важным фактором для обеспечения функциональности союза. Данный показатель отражает степень военной совместимости и интероперабельности, которые повышают координацию действий и эффективность совместного применения различных тактик. Прогресс от низкого к высокому уровню в рамках названного пункта проявляется в расширении географии и состава военных учений: они начинают проводиться не только на территориях государств-партнёров, распространяясь

на отдалённые от них геополитические районы — обычно вследствие новых вызовов, спровоцированных международной политической обстановкой. В конечном счёте именно переход от простого выполнения совместных манёвров к созданию общих военных командных центров и систем командных кодов наряду с другими формами интероперабельности свидетельствует о достижении высокого уровня взаимодействия.

Продвинутая стадия военного сотрудничества характеризуется тремя основными показателями: наличием элементов интегрированного военного командования, размещением вооружённых сил или военных баз на территории государств-союзников и возникновением единой оборонительной политики. Введение системы интегрированного командования обеспечивает организационный фундамент для совместного выполнения боевых задач. В таких обстоятельствах вооружённые силы каждой из стран, обычно находящиеся под контролем своего государства, могут привлекаться к совместным операциям, выполняя указания командиров той или иной стороны или подчиняясь приказам общей командной структуры. Примеры совместного военного командования, помимо налаживания системы общих командных кодов, могут включать в себя также ввод единого операционного языка, позволяющего быстро передавать приказы и инструкции военным подразделениям; практику слияния армейских единиц в отдельные операционные группы с целью развития эффективного взаимодействия; создание совместных командных центров, укомплектованных офицерами от обеих сторон. Сравнительно низкая степень интеграции на данной продвинутой стадии может характеризоваться эпизодическими контактами, в то время как высокий уровень взаимодействия на этой ступени подразумевает постоянное функционирование общих командных структур.

Развёртывание вооружённых сил или военных баз является ещё одним шагом вперёд на пути развития военного сотрудничества, так как эти меры затрагивают весьма чувствительные аспекты территориального и политического суверенитета. Низкая степень взаимодействия здесь выражается в размещении не самых масштабных структур, которые, как правило, не включают воздушные силы и высокотехнологичные вооружения. Высокая степень, в свою очередь, характеризуется выделением более значительных ресурсов — как в плане контингента, так и в плане технологий.

Наконец, высшая форма военного взаимодействия подразумевает возникновение единой оборонительной политики на уровне государственного руководства. Она требует исполнения сторонами большого количества обязательств в целях проведения наиболее ресурсозатратных военных миссий. Данный уровень сотрудничества подразумевает синхронизацию действий для обеспечения национальной безопасности участвующих государств. Решения о переходе на такую стадию военного сотрудничества, как правило, принимаются лишь при наличии серьёзных мотивирующих факторов и после фактического прохождения предыдущих стадий.

2. ОЦЕНКА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ВОЕННОЙ СФЕРЕ

С момента окончания холодной войны в российско-китайских отношениях наблюдалась очевидная тенденция к интенсификации. Тем не менее актуальным остаётся вопрос, насколько близки Россия и Китай с точки зрения объективных показателей военного взаимодействия, обозначенных выше?

2.1. Начальная стадия: меры по укреплению доверия и регулярные консультации

Большей частью меры по укреплению доверия между Россией и Китаем предпринимались в 1990-х гг. На самой ранней стадии данного процесса они представляли собой совместные попытки двух стран нормализовать отношения посредством разрешения вопросов, касающихся советско-китайских границ, и имели своей целью отвод вооружённых сил из приграничной зоны. Урегулирование этих — весьма чувствительных — моментов было необходимым условием для дальнейшего развития взаимоотношений.

18 декабря 1992 г. Борис Ельцин и Цзян Цзэминь подписали «Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики по вопросам взаимного сокращения вооружённых сил и укрепления доверия в военной области в районе границы» [5]. Переговоры о снижении численности вооружённых сил в приграничных регионах и укреплении взаимного доверия продолжались в течение следующих двух лет и закончились визитом начальника Генерального штаба Российской Федерации Михаила Колесникова в Пекин в апреле 1994 г. В июле того же года страны подписали «Соглашение о предотвращении опасной военной деятельности» [54], главная цель которого состояла в дальнейшей десекьюритизации общей границы и создании процедур по решению вопросов её «случайного пересечения». Данный документ также предусматривал регулярный обмен информацией касательно перемещений и деятельности пограничных войск двух стран [52]. Двумя месяцами позднее Цзян Цзэминь посетил Россию и стороны подписали ещё два важных документа: «Совместное заявление о неприменении первыми друг против друга ядерного оружия и о взаимном ненацеливании стратегических ядерных вооружений» и «Соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на её западной части» [55]. Как результат, двусторонние отношения между странами перешли от стадии «добрососедских» к стадии «конструктивного сотрудничества».

10 ноября 1997 г. на саммите в Пекине Борис Ельцин и Цзян Цзэминь подписали новое соглашение по демаркации наиболее протяжённой — восточной — части российско-китайской границы. При этом в будущем было решено продолжить переговоры по трём островам, которые

находятся на реках, протекающих на линии разграничения. Именно этот договор, по сути, ознаменовал переход к более высокому уровню мер по укреплению доверия, когда основной целью стали демилитаризация границы и информационный обмен. В августе 1998 г. страны подписали «Китайско-российский протокол об обмене информацией по пограничной обороне», который расширил процедуры взаимного уведомления о военной активности в приграничных регионах. В декабре 1999 г. были подписаны соглашения о полном отводе российских и китайских боевых формирований сухопутных войск на 100 км от границы, что привело к созданию обширной демилитаризованной зоны [51]. Финальное соглашение по вопросам демаркации границы («Соглашение о российско-китайской государственной границе на её восточной части») было подписано 14 октября 2004 г. Данный документ разрешал вопрос о двух островах — Тарабарова и Большом Уссурийском — и ставил точку в территориальных спорах между Россией и Китаем.

Когда вопросы по общей границе были решены, резко сократилось количество принимаемых мер по укреплению доверия между странами, а те меры, которые остались на повестке, стали постепенно переходить в новое качество регулярных консультаций. Со временем такие консультации сформировали полноценный механизм, который впоследствии развился в комплексную инфраструктуру контактов, гарантирующую регулярный обмен информацией между практически всеми ступенями руководства: от самых высоких органов принятия решений с их административным аппаратом до министерств обороны и их подразделений, включая региональные центры различных военных округов, пограничные гарнизоны и военные учебные заведения. Помимо РФ единственной страной, с которой КНР взаимодействует на сопоставимом уровне, пожалуй, является Пакистан.

Формально военные консультации между Россией и Китаем начались в 1992 г., когда занимавший в те годы пост министра обороны КНР Цинь Цзивэй посетил Москву и установил официальные отношения между военными министерствами двух стран. 11 октября 1993 г., в ходе визита российского министра обороны Павла Грачёва в Пекин, стороны подписали «Соглашение между Министерством обороны Российской Федерации и Министерством обороны Китайской Народной Республики о военном сотрудничестве», которое заложило фундамент для развития двустороннего военного взаимодействия [10]. Первые механизмы регулярных консультаций между странами были представлены *регулярными встречами министров обороны России и Китая* (начались в 1993 г.) и *ежегодными стратегическими консультациями между начальниками генеральных штабов* (начались в 1997 г.). Впрочем, учитывая достаточно обширную повестку таких мероприятий и наличие подобных консультаций в отношениях и России, и Китая с другими государствами, указанные механизмы нельзя отнести к инструментам высокого уровня взаимодействия.

Переход на более высокий уровень военных консультаций между двумя странами начался в 2000 г. (после разрешения всех спорных вопросов

о границе) и выражался в налаживании уникальных механизмов взаимодействия, существующих исключительно между РФ и КНР. Важным шагом в этом направлении стало основание в 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая существенно расширила и институционализировала интерфейс российско-китайских консультаций посредством создания новых многочисленных платформ для регулярного взаимодействия между министрами обороны и другими военными чиновниками различных уровней, а также *механизма двусторонних военных консультаций в рамках функциональной структуры ШОС*. Этот механизм подразумевал проведение в столицах входящих в организацию государств ежегодных саммитов, создание в июне 2004 г. региональных антитеррористических структур, представляющих собой постоянно действующие органы в составе ШОС [18], и проведение встреч глав министерств и департаментов, ставших ещё одной платформой для консультаций между министрами обороны двух стран и двусторонних переговоров в кулуарах названного объединения [6].

Дополнительным толчком к развитию межгосударственных отношений послужил запуск в октябре 2004 г. нового механизма, направленного на обсуждение текущих национальных интересов России и Китая, — *российско-китайских консультаций по вопросам национальной безопасности* [9]. Данный механизм реализуется на уровне глав Совета безопасности (со стороны РФ) и представителей Государственного совета (со стороны КНР) и существует исключительно в рамках взаимоотношений России и Китая. Согласно Тану Цзясюаню, представителю Государственного совета КНР, «новый механизм является первым прецедентом, в рамках которого Китай создаёт с другой страной межгосударственный формат для консультаций по вопросам своей национальной безопасности», что свидетельствует о «переходе двустороннего сотрудничества в данной сфере на новый уровень» [3].

Расширение российско-китайских консультаций по вопросам безопасности продолжилось на фоне усложнения международной ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В частности, в апреле 2015 г. была создана ещё одна платформа для проведения консультаций по вопросам региональной безопасности — *российско-китайский Диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии*, — основная цель которой заключается в «создании эффективных механизмов обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии» [8]. Частота проведения таких консультаций зависит от текущей обстановки в регионе. После решения США об установке противоракетного комплекса THADD в Южной Корее странами было принято решение об организации встреч в указанном формате каждые два месяца.

Таким образом, с начала 1990-х гг. Россия и Китай вводили новые или расширяли существующие механизмы консультаций в среднем через каждые 3—4 года. На текущий момент между двумя странами проводится от 20 до 30 консультаций в год, исключая взаимодействие

на региональном уровне, происходящее между отдельными областями и городами, обмен в области образования и совместные военные учения. Таким образом, встречи военных представителей РФ и КНР на высоком уровне фактически проводятся раз в две недели. Большинство из них заканчиваются совместными заявлениями или принятием деклараций, которые отражают единство мнений двух стран в вопросах международной политики. Примечательно, что данные механизмы исправно функционируют с момента своего введения в действие.

2.2. Средняя стадия взаимодействия: ВТС и регулярные военные учения

Если эпизодический военно-технический обмен между Россией и Китаем начал осуществляться в 1990-х гг., то полноценное сотрудничество в данной сфере было налажено в конце первого десятилетия 2000-х гг., после завершения институционализации двусторонних консультаций. В этот же период стали проводиться регулярные совместные военные учения двух стран.

В начале 1990-х гг., когда Россия была вынуждена преодолевать серьёзные экономические трудности, военно-технический обмен между РФ и КНР не отличался высоким уровнем правовой оформленности, что привело к появлению в отношениях данных государств большой «серой зоны», оценка которой представляется весьма сложной задачей, как и анализ степени её влияния на ВТС.

Первые попытки упорядочить данную сферу взаимодействия двух стран начали предприниматься в 1992 г. с подписанием «Соглашения о военно-техническом сотрудничестве» и основанием «Совместной российско-китайской межгосударственной комиссии по вопросам военно-технического сотрудничества», которая стала формальной платформой для обсуждения закупки Китаем вооружений и сделала значительный вклад в нормализацию и регулирование двустороннего сотрудничества в военно-технической сфере [52]. К 1996 г. стороны пришли к соглашению по проекту самолёта Су-27, результатом чего стало подписание договора о передаче китайской стороне военно-технических данных, в соответствии с которым Шэньянская авиастроительная корпорация (SAC) получила лицензию на сборку 200 истребителей. В дальнейшем данная техническая информация использовалась также для разработки китайского истребителя J-11В [13, р. 141]. Таким образом, в области ВТС между РФ и КНР наметился определённый прогресс, который, впрочем, пока ещё носил достаточно ограниченный характер.

Пришествие в 2000 г. к власти Владимира Путина положило начало масштабной реконструкции российских агентств, занимающихся экспортом вооружений, и сопряжённых контролирующими органов⁴. Была основана Комиссия Российской Федерации по вопросам военно-технического

⁴ Для более детального анализа политики Владимира Путина в этой области см.: [24; 17].

сотрудничества с иностранными государствами, которая наделялась весьма широкими полномочиями в области контроля реализуемых программ. Это событие способствовало увеличению объёмов экспорта оружия и улучшению общего контроля качества. Также именно данный шаг позволил двум странам перейти к более продвинутым формам ВТС [52]. В 2006 г. Сергей Иванов, занимавший в то время пост министра обороны Российской Федерации, отметил, что в сфере ВТС Китай является для России «привилегированным партнёром», военное сотрудничество с которым составляет основу стратегического взаимодействия между странами [52].

Другим важным событием для развития двусторонних отношений стало «Соглашение об охране интеллектуальной собственности в сфере военно-технического сотрудничества», подписанное 11 декабря 2008 г. в ходе 13-го собрания Комиссии по вопросам военно-технического сотрудничества, проходившего в Пекине. Данный документ решил проблему «копирования» Китаем российских систем вооружения и упростил экспорт в КНР передовых военных технологий.

С этого момента российско-китайское ВТС переходит на высокий уровень, что послужило началом реализации различных долгосрочных проектов. Их перечень к настоящему времени является весьма длинным и продолжает увеличиваться. Согласно данным Рособоронэкспорта, совместные российско-китайские программы ВТС главным образом включают в себя проекты, связанные с авиационными двигателями и противовоздушным вооружением, которые к 2012 г. составили 90% всего экспорта военных технологий в Китай. Так, Московское машиностроительное предприятие имени В.В. Чернышёва и Китайская национальная корпорация, занимающаяся импортом/экспортом авиационных технологий, реализуют совместную программу по модернизации российских турбовинтовых реактивных двигателей РД-33 конструкции Климова в целях их использования в китайских многоцелевых истребителях САС/РАС JF-17 «Thunder». В 2011 г. российская Военно-промышленная компания запустила в Китае производство многоцелевых автомобилей повышенной проходимости ГАЗ «Тигр» [2].

В августе 2015 г. заместитель премьер-министра Российской Федерации Дмитрий Рогозин обозначил четыре первостепенных совместных проекта, реализуемых в рамках российско-китайского ВТС [7]. Первым из них является космическая программа, подразумевающая строительство совместной базы на Луне, производство российских ракетных двигателей на территории КНР, а также совместные проекты, связанные со спутниковой навигацией, дистанционным зондированием Земли, производством электронных компонентов и космического оборудования, пилотируемые космическими полётами и др. [4]. Второй проект подразумевает совместное строительство тяжёлых военных вертолётов, соглашение по которым было подписано Владимиром Путиным и Си Цзиньпином в 2015 г. во время поездки последнего в Москву на празднование 70-й годовщины победы в Великой Отечественной войне [7]. Третий проект реализуется в рамках соглашения о совместном проектировании и производстве

широкофюзеляжного самолёта, подписанного в ходе визита в Москву в 2014 г. премьер-министра Ли Кэцзяна. Наконец, целью четвёртого проекта является экспорт в КНР российских систем противовоздушной обороны С-400. Китай стал их первым иностранным покупателем. Помимо прочего, согласно официальным заявлениям представителей Рособоронэкспорта, в китайских истребителях пятого поколения J-31, которые планируется экспортировать на региональные рынки в целях конкуренции с США, также будут использоваться российские двигатели РД-93 [4].

Следует подчеркнуть, что в РФ со временем меняется отношение к расширенному военно-техническому сотрудничеству с Китаем — в частности, постепенно рассеиваются опасения по поводу неблагоприятной зависимости от КНР в этой области. Как заявил министр обороны Российской Федерации Сергей Шойгу в ходе встречи с заместителем председателя Центрального военного совета Китая Сюй Циляном, «уровень наших отношений свидетельствует о том, что между нами не осталось нерешённых проблем. Мы продолжим работу по реализации совместных проектов ВТС» [4]. В свою очередь, Сергей Корнев из Рособоронэкспорта отметил, что «в рамках российско-китайского военно-технического сотрудничества наблюдается стабильный рост совместного производства вооружений на территории КНР» [4]. И, как сказал эксперт Института Дальнего Востока РАН, специалист по китайскому ВПК Василий Кашин, «если раньше у России были сдерживающие политические факторы в этом вопросе, то теперь они исчезли. Мы слишком связаны с китайцами» [4]. На сегодняшний день и Китай может многое предложить России: например, электронные компоненты (в том числе для использования в космических программах), композитные материалы, беспилотные летательные аппараты и двигатели для военных кораблей.

Тенденция России расценивать КНР не только в качестве основного рынка сбыта своей продукции, но также как незаменимого партнёра в области ВТС ещё больше усилилась с началом украинского кризиса и ухудшением отношений с западом. Российско-китайское взаимодействие стало ключевым элементом всей военной стратегии РФ. Учитывая текущую динамику, даже если отношения России с западными государствами стабилизируются, это слабо повлияет на ситуацию в целом, поскольку страна прошла точку невозврата в вопросе сотрудничества с Китаем [4]. Согласно риторике официальных представителей РФ, Кремль доверяет Китаю и намерен продолжать работу по укреплению взаимного военно-технического сотрудничества, игнорируя «все попытки запада убедить россиян в том, что Китай представляет для России угрозу» [7]. Подтверждением этого служит и речь министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова о развитии полноценного российско-китайского партнёрства, с которой он выступил 22 ноября 2014 г. и в которой, в частности, заметил, что «теперь мы можем говорить о возникновении технологического союза между двумя странами» [35].

Переход на следующий уровень в рамках средней стадии стратегического взаимодействия характеризуется началом проведения совместных

военных учений. 13 декабря 2004 г. Россия и Китай объявили о решении провести первые широкомасштабные совместные учения, которые получили название «Мирная миссия». Они проходили в период 19—25 августа 2005 г. на территории китайского Шаньдунского полуострова и в районе российского г. Владивостока. В манёврах приняли участие порядка 10 000 солдат и офицеров. Официальным поводом называли противодействие терроризму. Тем не менее факт, что в учениях было задействовано большое количество военнослужащих, применялась тяжёлая военная техника, включая дальние бомбардировщики, а также отрабатывались тактики воздушной и морской блокады, высадка морского десанта и захват территории, указывал на то, что действительные цели были гораздо шире.

Впоследствии военные учения типа «Мирной миссии» стали регулярной практикой и теперь проводятся раз в 1—2 года. Также время от времени манёвры осуществляются под эгидой ШОС и включают в себя отработку стратегий и тактик противодействия «цветным революциям» и разрешения кризисных ситуаций в Центральной Азии. Помимо этого, следует отметить, что после «Мирной миссии-2009» в Китае прозвучали первые призывы к отказу от политики «неприсоединения к союзам» [53]. «Мирная миссия-2010» стала наиболее продолжительной — она длилась 17 дней (с 9 по 25 сентября 2010 г.), в течение которых было задействовано свыше 300 единиц наземной военной техники, а также более 50 самолётов и вертолётов [34]. В ходе последующих учений — «Мирной миссии-2012» и «Мирной миссии-2014» — военные двух стран продолжили отработку взаимодействия армейских подразделений и техники.

В 2012 г. начались российско-китайские учения другого плана — «Морское взаимодействие», — которые, в отличие от «Мирных миссий», были сосредоточены на отработке координации действий между странами на море. Впервые они проводились в период с 22 по 27 апреля 2012 г. в Жёлтом море. В ходе манёвров отрабатывались техники сопровождения морских судов, противовоздушной и противолодочной борьбы, а также противодействие пиратству, спасательные операции и механизмы военноморской логистики. После этого данные учения начали проводиться ежегодно в различных локациях. В 2015 г. «Морское взаимодействие-2015» проходило в контексте украинского кризиса и стало самым масштабным мероприятием боевой учёбы морских сил НОАК и российских ВМС. Примечательно, что вторая часть этих учений проводилась в Средиземном море, которое принято считать территорией НАТО. Прежде чем отправиться туда, китайские суда вошли в порт Новороссийск, расположенный на побережье Чёрного моря. Данный визит был первым подобным прецедентом в истории современных китайско-российских отношений и символически связывался с приглашением Си Цзиньпина на Парад Победы, прошедший в Москве 9 мая 2015 г. В ходе манёвров флоты двух государств продемонстрировали высокий уровень взаимодействия в иностранных водах [1]. Годом позже в «Морском взаимодействии-2016», проходившем с 12 по 19 сентября в спорных водах Южно-Китайского моря, были

задействованы надводные судна, подводные лодки, самолёты, вертолёты и автомобили-амфибии. Некоторые эксперты видели в этих учениях ответ на решение Гаагского трибунала отклонить притязания Китая на территории в Южно-Китайском море [32]. Наземные учения типа «Мирной миссии» и морские учения типа «Морского взаимодействия» демонстрируют мировой общественности, что Россия и Китай способны ежегодно проводить масштабные военные манёвры с привлечением тысяч военнослужащих и сотен единиц техники.

В мае 2016 г. Россией и Китаем были впервые проведены совместные учения по аэрокосмической безопасности «Воздушно-космическая безопасность-2016». Они проходили в стенах Центрального научно-исследовательского института ВС РФ и стали первыми российско-китайскими учениями по противоракетной обороне, техника которой отработывалась посредством компьютерных симуляций. Учения «Воздушно-космическая безопасность-2017» состоялись в декабре 2017 г. в Пекине. Согласно информации китайского Министерства обороны, основной задачей мероприятия была «отработка совместного планирования действий в рамках противоракетной обороны с проведением специальных операций при огневой поддержке» [38]. Хотя Москва и Пекин заявляли, что манёвры не направлены против третьих стран, нельзя проигнорировать тот факт, что проходили они в контексте совместного российско-китайского протеста против размещения дополнительных американских оборонительных систем в Южной Корее и преследовали своей целью укрепление двустороннего военного взаимодействия.

Приблизительно в то же время Россия и Китай начали проводить ещё один тип военных учений с участием внутренних войск двух государств, к которым привлекались подразделения российской национальной гвардии и китайской полиции. Таким образом, общее количество совместных российско-китайских военных учений порой достигало такого показателя, как 5 учений в год.

2.3. Продвинутая стадия: рост интероперабельности вооружённых сил

Основной проблемой оценки продвинутой стадии военного взаимодействия между Россией и Китаем является недоступность данных. Отчасти это можно решить более внимательным изучением совместной военной деятельности двух государств. И хотя на текущий момент свидетельств создания общих военных баз (показатель 6) или разработки единой оборонительной политики (показатель 7) не наблюдается, масштаб и частота проведения совместных боевых учений обнаруживают отдельные элементы усиления военного взаимодействия и создания общих систем командования (показатель 5).

Согласно некоторым оценкам, между Россией и Китаем к 2016 г. была достигнута средняя степень совместимости и интероперабельности вооружённых сил [42]. Так, например, известно, что в ходе учений «Мирная

миссия-2005» сторонами применялась новая система командных кодов, позволяющая реализовать эффективное взаимодействие между российскими и китайскими пилотами. «Мирная миссия-2009» характеризуется повышением уровня координации между вооружёнными силами двух стран посредством применения элементов симуляции совместной обороны. Также признаки роста интероперабельности и эффективности коммуникации прослеживаются в результатах учений «Мирная миссия-2010», в ходе которых два российских истребителя МиГ-29 и три китайских реактивных бомбардировщика Н-6 были объединены в одну группу и отрабатывали совместное выполнение поставленных задач, также, по всей видимости, применяя новую систему командных кодов [34]. Наконец, следует отметить, что выполнение всех совместных задач на российско-китайских учениях проходит с использованием русского языка⁵.

В рамках «Морского взаимодействия-2014» отрабатывалась совместная защита военных кораблей при их якорной стоянке и сопровождении в составе конвоев, освобождение захваченных морских судов, техники противовоздушной обороны и проведение спасательных операций. Контроль всех операций осуществлялся из общего командного центра. Та же тенденция продолжилась в ходе учений «Морское взаимодействие-2015», когда из единого командного центра, расположенного в окрестностях поселения Дивноморское, осуществлялось управление военными кораблями, находящимися в иностранных водах Средиземного моря [33]. По информации китайского Министерства обороны, одной из основных целей манёвров было «увеличение способности морских сил России и Китая совместно реагировать на угрозы морской безопасности» [14]. Наконец, в учениях «Морское взаимодействие-2016», которые после оглашения решения Гаагского трибунала прошли в Южно-Китайском море, российскими и китайскими ВМС отрабатывались выполнение совместных поисковых и спасательных операций, техники противолодочной борьбы и, что примечательно, совместный захват островных территорий, что также свидетельствует о повышении уровня военного сотрудничества между странами [32].

Итак, проведённый анализ указывает на то, что начиная с 1991 г. Россия и Китай смогли наладить всеобъемлющие механизмы военного взаимодействия и к 2016 г. начали переход к поздней, расширенной, стадии военного сотрудничества, как определено на рис. 1.

3. ВЫВОДЫ

С момента окончания холодной войны Россия и Китай существенно расширили военное сотрудничество. Были налажены и приведены в активность многоуровневые механизмы межгосударственных консультаций,

⁵ Данные получены в ходе беседы автора с экспертом по российско-китайскому военному сотрудничеству, Сингапур, 11 октября 2016 г.

которые помогли двум странам выработать общее понимание стратегических интересов и внешних угроз. Развёрнутое военно-техническое сотрудничество позволило значительно увеличить степень военной совместимости вооружённых сил. Начиная с 2005 г., когда стали проводиться регулярные совместные военные учения, страны также достигли определённой степени технической интероперабельности. И хотя кто-то может поспорить о том, насколько отношения между РФ и КНР приблизились к союзническим, как и о том, что в условиях современной международной политики следует понимать под термином «союз», становится ясно, что военное взаимодействие между этими двумя государствами на сегодня достигло весьма высокого уровня и продолжает усиливаться. Технически Россия и Китай готовы к более тесному военному союзу, и скептицизм по этому поводу вряд ли оправдан. В конечном счёте откладывание официального объявления о вступлении двух государств в альянс или сознательный отказ от такого объявления могут быть выгодны и одной, и другой стороне в текущих обстоятельствах.

В то же время тенденцию, выявленную в ходе анализа, представленного в настоящей статье, не следует расценивать в качестве необратимой. Как отмечает Гленн Снайдер, порой страны, формирующие союз, в силу различных внешних и внутренних факторов начинают движение в сторону, противоположную союзнической траектории [41]. Нельзя исключать такое развитие событий и в отношениях между Россией и Китаем. Хотя глобальное доминирование Америки на международной арене, которое в значительной степени и спровоцировало союзную динамику между Москвой и Пекином, по всей видимости, будет продолжаться ещё долгое время, существует множество других факторов, которые могут повлиять на дальнейшее развитие российско-китайских отношений. Так, к примеру, КНР занимает двойственную позицию относительно действий РФ в Грузии в 2008 г. или на Украине в 2014 г., намекая на то, что видение Пекином вопросов, касающихся государственного суверенитета, а также собственных национальных интересов, не совсем совпадает с видением Москвы. Такой же двойственностью отличается и реакция России на проблему спорных территорий в Южно-Китайском море. Также следует обратить внимание на определённые политические расхождения в интерпретации вопросов расширения НАТО, развёртывания американской системы ПРО и взгляд Си Цзиньпина на глобальную роль Китая в современных геополитических и экономических отношениях с США. Потенциально все эти моменты вкуче с действиями США вполне могут стать камнем преткновения для российско-китайского взаимодействия. Впрочем, рассуждения на эту тему находятся вне рамок настоящей работы, цель которой состояла в том, чтобы показать, насколько близки на сегодняшний день стали РФ и КНР. Это необходимый первый шаг для дальнейшего обсуждения возможных вероятностей формирования более продвинутых форм сотрудничества между Россией и Китаем.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бондарева В. Российско-китайские учения «Морское взаимодействие». Досье ТАСС. 11 мая 2015. URL: <https://news.rambler.ru/asia/30187186-rossiysko-kitayskie-ucheniya-morskoe-vzaimodeystvie-dose/> (дата обращения: 11.06.2019).
2. Военно-техническое сотрудничество России и Китая. Досье. URL: <http://tass.ru/info/2228966> (дата обращения: 07.06.2019).
3. Выступления Президента России В.В. Путина и члена Государственного совета Китая Тан Цзясюаня в ходе российско-китайской встречи. Москва, Кремль, 2 февраля 2005 года. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/449890 (дата обращения: 11.06.2019).
4. Крецул Р. Россия и Китай усиливают сближение в военной области. URL: <http://vz.ru/society/2014/11/19/716036.html> (дата обращения: 11.06.2019).
5. Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики по вопросам взаимного сокращения вооружённых сил и укрепления доверия в военной области в районе границы. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&&nd=102020407&page=1&rdk=0#Ю (дата обращения: 11.06.2019).
6. Министры обороны России и Китая проведут сегодня в Санкт-Петербурге переговоры «на полях» Совещания глав военных ведомств стран ШОС. URL: http://function.mil.ru/news_page/world/more.htm?id=12044152@egNews (дата обращения: 11.06.2019).
7. Новый этап в китайско-российском военно-техническом сотрудничестве. URL: <http://inosmi.ru/military/20151215/234815876.html> (дата обращения: 11.06.2019).
8. О первом раунде российско-китайского диалога по безопасности в Северо-Восточной Азии. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1207275 (дата обращения: 11.06.2019).
9. Ответы официального представителя МИД России А.В. Яковенко на вопросы российских СМИ по российско-китайским отношениям. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/458210 (дата обращения: 11.06.2019).
10. Соглашение между Министерством обороны Российской Федерации и Министерством обороны Китайской Народной Республики о военном сотрудничестве. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102026598&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 08.06.2019).
11. Ambrosio T. The Architecture of Alignment: The Russia-China Relationship and International Agreements // *Europe-Asia Studies*. 2017. Vol. 6. No. 1. P. 110—156.
12. Brenton S.T. Russia and China: An Axis of Insecurity // *Asian Affairs*. 2013. Vol. 44. No. 2. P. 231—249.
13. Cheung T.M. *Fortifying China: The Struggle to Build a Modern Defense Economy*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 281 p.
14. China, Russia to Hold First Joint Mediterranean Naval Drills in May. URL: <http://www.reuters.com/article/us-china-russia-military-idUSKBN0NL16F20150430> (дата обращения: 09.06.2019).
15. Cox M. Not Just “Convenient”: China and Russia’s New Strategic Partnership in the Age of Geopolitics // *Asian Journal of Comparative Politics*. 2016. Vol. 1. No. 4. P. 317—334.
16. Fearon J.D. Signaling Foreign Policy Interests: Tying Hands versus Sinking Costs // *Journal of Conflict Resolution*. 1997. Vol. 41. No. 1. P. 68—90.
17. Fedder E.H. The Concept of Alliance // *International Studies Quarterly*. 1968. Vol. 12. No. 1. P. 65—86.

18. Information on Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organization. URL: <https://web.archive.org/web/20081211154326/http://www.sectesco.org/fk-03.html> (дата обращения: 10.06.2019).
19. Kaczmarek M. Two Ways of Influence-building: The Eurasian Economic Union and the One Belt, One Road Initiative // *Europe-Asia Studies*. 2017. Vol. 69. No. 7. P. 1027–1046.
20. Kay S. What is a Strategic Partnership? // *Problems of Post-Communism*. 2000. Vol. 47. No. 3. P. 15–24.
21. Kerr D. The Sino-Russian Partnership and US Policy toward North Korea: From Hegemony to Concert in Northeast Asia // *International Studies Quarterly*. 2005. Vol. 49. No. 3. P. 411–438.
22. Korolev A. On the Verge of an Alliance: Contemporary China-Russia Military Cooperation // *Asian Security*. 2018. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14799855.2018.1463991> (дата обращения: 03.06.2019).
23. Kozulin V. Russian Arms Sales: Another Reform? // *Yaderny Kontrol (Nuclear Control) Digest*. 2001. Vol. 6. No. 2. URL: <http://www.pircenter.org/en/security-index/134-yaderny-kontrol> (дата обращения: 03.06.2019).
24. Kuchins A. Russia and the CIS in 2013: Russia's Pivot to Asia // *Asian Survey*. 2014. Vol. 54. No. 1. P. 129–137.
25. Leeds B.A., Anac S. Alliance Institutionalization and Alliance Performance // *International Interactions*. Vol. 31. No. 3. P. 183–202.
26. Li C. Limited Defensive Strategic Partnership: Sino-Russian Rapprochement and the Driving Forces // *Journal of Contemporary China*. 2007. Vol. 16. No. 52. P. 477–497.
27. Limited Partnership: Russia-China Relations in a Changing Asia: Report of the Study Group on Russia-China Relations / ed. by S.W. Garnett. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1998. 165 p.
28. Lo B. *Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2009. 293 p.
29. Morrow J.D. Alliances, Credibility, and Peacetime Costs // *Journal of Conflict Resolution*. 1994. Vol. 38. No. 2. P. 270–297.
30. Nemets A. Russia and China: The Mechanics of an Anti-American Alliance // *The Journal of International Security Affairs*. 2006. No. 11. P. 83–88.
31. Odgaard L. Beijing's Quest for Stability in its Neighborhood: China's Relations with Russia in Central Asia // *Asian Security*. 2017. Vol. 13. No. 1. P. 41–58.
32. Panda A. Chinese, Russian Navies to Hold 8 Days of Naval Exercises in the South China Sea. URL: <http://thediplomat.com/2016/09/chinese-russian-navies-to-hold-8-days-of-naval-exercises-in-the-south-china-sea/> (дата обращения: 07.06.2019).
33. Parffit T. Russia-China Clinch Tightens with Joint Navy Exercises in Mediterranean. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/11596851/Russia-China-clinch-tightens-with-joint-navy-exercises-in-Mediterranean.html> (дата обращения: 06.06.2019).
34. Peace Mission 2010. URL: http://english.cntv.cn/english/special/peace_mission/home/index.shtml (дата обращения: 10.06.2019).
35. Remarks by Foreign Minister Sergey Lavrov at the XXII Assembly of the Council on Foreign and Defence Policy. URL: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/24454A08D48F695EC3257D9A004BA32E (дата обращения: 03.06.2019).
36. Rozman G. Sino-Russian Relations: Will the Strategic Partnership Endure? // *Demokratizatsiya*. 1998. Vol. 6. No. 2. P. 396–415.
37. Russett B.M. An Empirical Typology of International Military Alliances // *Midwest Journal of Political Science*. 1971. Vol. 15. No. 2. P. 262–289.
38. Russian-Chinese Joint Air Defense Drills Kick Off in Beijing. URL: <http://tass.com/defense/980318> (дата обращения: 10.06.2019).

39. Smith A. Alliance Formation and War // *International Studies Quarterly*. 1995. Vol. 39. No. 4. P. 405—425.
40. Snyder G.H. *Alliance Politics*. Ithaca: Cornell University Press, 1997. 449 p.
41. Snyder G.H. Alliances, Balance, and Stability // *International Organization*. 1991. Vol. 45. No. 1. P. 121—142.
42. Trenin D. From a Greater Europe to a Greater Asia? URL: <http://www.globaltimes.cn/content/909121.shtml> (дата обращения: 10.06.2019).
43. Voskressenski A. *Russia and China: A Theory of Inter-State Relations*. London: Routledge, 2003. 278 p.
44. Walt S. *The Origins of Alliances*. Ithaca: Cornell University Press, 1987. 335 p.
45. Ward M.D. *Research Gaps in Alliance Dynamics*. Denver: University of Denver, 1982. 107 p.
46. Wilkins T.S. “Alignment”, Not “Alliance” — The Shifting Paradigm of International Security Cooperation: Toward a Conceptual Taxonomy of Alignment // *Review of International Studies*. 2012. No. 38. P. 53—76.
47. Wilkins T.S. Russo-Chinese Strategic Partnership: A New Form of Security Cooperation? // *Contemporary Security Policy*. 2008. Vol. 29. No. 2. P. 358—383.
48. Wilson J.L. *Strategic Partners: Russian-Chinese Relations in the Post-Soviet Era*. New York: M.E. Sharpe, 2004. 314 p.
49. Wishnick E. In Search of the “Other” in Asia: Russia-China Relations Revisited // *The Pacific Review*. 2017. Vol. 30. No. 1. P. 114—132.
50. Wishnick E. Russia and China: Brothers Again? // *Asian Survey*. 2001. Vol. 41. No. 5. P. 797—821.
51. 举行联合军演：中俄会结成军事同盟吗？ = Совместные военные учения: создадут ли Китай и Россия военный союз? URL: <http://www.people.com.cn/GB/junshi/62/20020710/772735.html> (дата обращения: 02.06.2019).
52. 林经纬. 中俄军事合作的转变—从中俄联合军演探讨 = Линь Цзинвэй. Трансформация российско-китайского военного сотрудничества — анализ с позиций совместных военных учений // *中国大陆研究*. 2006. Т. 49. № 4. С. 49—75.
53. 中俄联合军演：解放军不再奉行不结盟政策 = Совместные военные учения РФ и КНР: НОАК прекратит следовать политике неприсоединения к альянсам. URL: <http://junshi.cctv.com/20090714/105454.shtml> (дата обращения: 09.06.2019).
54. 中俄预防危险军事活动协定 = Соглашение о предотвращении опасной военной деятельности. URL: <http://www.chinabaik.com/article/baik/1000/2008/200805111442468.html> (дата обращения: 11.06.2019).
55. 中华人民共和国和俄罗斯联邦总统联合声明：互不首先使用核武器和互不将战略核武器瞄准对方 = Совместное заявление о неприменении первыми друг против друга ядерного оружия и о взаимном ненацеливании стратегических ядерных вооружений. URL: http://www.nti.org/media/pdfs/3b_1.pdf?_ =1316627913 (дата обращения: 02.06.2019).

REFERENCES

1. Bondareva V. *Rossiysko-kitayskie ucheniya “Morskoe vzaimodeystvie”*. *Dos’e TASS* [China-Russia Exercises “Joint Sea”. Dossier by TASS]. May 11, 2015. Available at: <https://news.rambler.ru/asia/30187186-rossiysko-kitayskie-ucheniya-morskoe-vzaimodeystvie-dose/> (accessed 11.06.2019). (In Russ.)
2. *Voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo Rossii i Kitaya*. *Dos’e* [China-Russia Military Technical Cooperation. A Dossier]. Available at: <http://tass.ru/info/2228966> (accessed 07.06.2019). (In Russ.)

3. *Vystupleniya Prezidenta Rossii V.V. Putina i chlena Gosudarstvennogo soveta Kitaya Tan Tszyasuanya v khode rossiysko-kitayskoy vstrechi. Moskva, Kreml', 2 fevralya 2005 goda* [The Address by the Russian President Vladimir Putin and the Member of the Chinese State Council Tang Jiaxuan during Russia-China Meeting. Moscow, Kremlin, February 2, 2005]. Available at: http://www.mid.ru/web/guest/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/449890 (accessed 11.06.2019). (In Russ.)
4. *Kretsul R. Rossiya i Kitay usilivayut sblizhenie v voennoy oblasti* [China and Russia Are Accelerating Military Rapprochement]. Available at: <http://vz.ru/society/2014/11/19/716036.html> (accessed 11.06.2019). (In Russ.)
5. *Memorandum o vzaimoponimanii mezhdru Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Kitayskoy Narodnoy Respubliki po voprosam vzaimnogo sokrashcheniya vooruzhennykh sil i ukrepleniya doveriya v voennoy oblasti v rayone grani-tsy* [The Memorandum of Understanding between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on the Guiding Principle for the Mutual Reductions of Armed Forces and the Strengthening of Trust in the Border Region]. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&&nd=102020407&&page=1&rdk=0#I0 (accessed 11.06.2019). (In Russ.)
6. *Ministry oborony Rossii i Kitaya provedut segodnya v Sankt-Peterburge peregovory "na polyakh" Soveshchaniya glav voennykh vedomstv stran SHOS* [Defense Ministers of Russia and China Hold Negotiations in Saint Petersburg "On the Sidelines" of the SCO Member-States' Defense Ministries Summit]. Available at: http://function.mil.ru/news_page/world/more.htm?id=12044152@egNews (accessed 11.06.2019). (In Russ.)
7. *Novyy etap v kitaysko-rossiyskom voenno-tekhnicheskom sotrudnichestve* [A New Stage in China-Russia Military Technical Cooperation (MTC)]. Available at: <http://inosmi.ru/military/20151215/234815876.html> (accessed 11.06.2019). (In Russ.)
8. *O pervom raunde rossiysko-kitayskogo dialoga po bezopasnosti v Severo-Vostochnoy Azii* [About the First Round of the China-Russia Northeast Asia Security Dialogue]. Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1207275 (accessed 11.06.2019). (In Russ.)
9. *Otvety ofitsial'nogo predstavatelya MID Rossii A.V. Yakovenko na voprosy rossiyskikh SMI po rossiysko-kitayskim otnosheniyam* [The Russian Foreign Ministry Representative, A.V. Yakovenko, Answers to the Russian Media's Questions on China-Russia Relations]. Available at: http://www.mid.ru/web/guest/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/458210 (accessed 11.06.2019). (In Russ.)
10. *Soglashenie mezhdru Ministerstvom oborony Rossiyskoy Federatsii i Ministerstvom oborony Kitayskoy Narodnoy Respubliki o voennom sotrudnichestve* [Agreement between Ministry of Defense of the Russian Federation and Ministry of Defense of the People's Republic of China about Military Cooperation]. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102026598&rdk=&backlink=1> (accessed 08.06.2019). (In Russ.)
11. Ambrosio T. The Architecture of Alignment: The Russia-China Relationship and International Agreements. *Europe-Asia Studies*, 2017, vol. 6, no. 1, pp. 110–156. (In Eng.)
12. Brenton S.T. Russia and China: An Axis of Insecurity. *Asian Affairs*, 2013, vol. 44, no. 2, pp. 231–249. (In Eng.)
13. Cheung T.M. *Fortifying China: The Struggle to Build a Modern Defense Economy*. Ithaca, Cornell University Press Publ., 2009, 281 p. (In Eng.)
14. *China, Russia to Hold First Joint Mediterranean Naval Drills in May*. Available at: <http://www.reuters.com/article/us-china-russia-military-idUSKBN0NL16F20150430> (accessed 09.06.2019). (In Eng.)

15. Cox M. Not Just “Convenient”: China and Russia’s New Strategic Partnership in the Age of Geopolitics. *Asian Journal of Comparative Politics*, 2016, vol. 1, no. 4, pp. 317–334. (In Eng.)
16. Fearon J.D. Signaling Foreign Policy Interests: Tying Hands versus Sinking Costs. *Journal of Conflict Resolution*, 1997, vol. 41, no. 1, pp. 68–90. (In Eng.)
17. Fedder E.H. The Concept of Alliance. *International Studies Quarterly*, 1968, vol. 12, no. 1, pp. 65–86. (In Eng.)
18. *Information on Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organization*. Available at: <https://web.archive.org/web/20081211154326/http://www.sectsc.org/fk-03.html> (accessed 10.06.2019). (In Eng.)
19. Kaczmarek M. Two Ways of Influence-building: The Eurasian Economic Union and the One Belt, One Road Initiative. *Europe-Asia Studies*, 2017, vol. 69, no. 7, pp. 1027–1046. (In Eng.)
20. Kay S. What is a Strategic Partnership? *Problems of Post-Communism*, 2000, vol. 47, no. 3, pp. 15–24. (In Eng.)
21. Kerr D. The Sino-Russian Partnership and US Policy toward North Korea: From Hegemony to Concert in Northeast Asia. *International Studies Quarterly*, 2005, vol. 49, no. 3, pp. 411–438. (In Eng.)
22. Korolev A. On the Verge of an Alliance: Contemporary China-Russia Military Cooperation. *Asian Security*, 2018. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14799855.2018.1463991> (accessed 03.06.2019). (In Eng.)
23. Kozyulin V. Russian Arms Sales: Another Reform? *Yaderny Kontrol (Nuclear Control) Digest*, 2001, vol. 6, no. 2. Available at: <http://www.pircenter.org/en/security-index/134-yaderny-kontrol> (accessed 03.06.2019). (In Eng.)
24. Kuchins A. Russia and the CIS in 2013: Russia’s Pivot to Asia. *Asian Survey*, 2014, vol. 54, no. 1, pp. 129–137. (In Eng.)
25. Leeds B.A., Anac S. Alliance Institutionalization and Alliance Performance. *International Interactions*, vol. 31, no. 3, pp. 183–202. (In Eng.)
26. Li C. Limited Defensive Strategic Partnership: Sino-Russian Rapprochement and the Driving Forces. *Journal of Contemporary China*, 2007, vol. 16, no. 52, pp. 477–497. (In Eng.)
27. *Limited Partnership: Russia-China Relations in a Changing Asia: Report of the Study Group on Russia-China Relations*. Ed. by S.W. Garnett. Washington, D.C., Carnegie Endowment for International Peace Publ., 1998, 165 p. (In Eng.)
28. Lo B. *Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics*. Washington, D.C., Brookings Institution Press Publ., 2009, 293 p. (In Eng.)
29. Morrow J.D. Alliances, Credibility, and Peacetime Costs. *Journal of Conflict Resolution*, 1994, vol. 38, no. 2, pp. 270–297. (In Eng.)
30. Nemets A. Russia and China: The Mechanics of an Anti-American Alliance. *The Journal of International Security Affairs*, 2006, no. 11, pp. 83–88. (In Eng.)
31. Odgaard L. Beijing’s Quest for Stability in its Neighborhood: China’s Relations with Russia in Central Asia. *Asian Security*, 2017, vol. 13, no. 1, pp. 41–58. (In Eng.)
32. Panda A. *Chinese, Russian Navies to Hold 8 Days of Naval Exercises in the South China Sea*. Available at: <http://thediplomat.com/2016/09/chinese-russian-navies-to-hold-8-days-of-naval-exercises-in-the-south-china-sea/> (accessed 07.06.2019). (In Eng.)
33. Parffit T. *Russia-China Clinch Tightens with Joint Navy Exercises in Mediterranean*. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/11596851/Russia-China-clinch-tightens-with-joint-navy-exercises-in-Mediterranean.html> (accessed 06.06.2019). (In Eng.)
34. *Peace Mission 2010*. Available at: http://english.cntv.cn/english/special/peace_mission/home/index.shtml (accessed 10.06.2019). (In Eng.)

35. *Remarks by Foreign Minister Sergey Lavrov at the XXII Assembly of the Council on Foreign and Defence Policy*. Available at: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/24454A08D48F695EC3257D9A004BA32E (accessed 03.06.2019). (In Eng.)
36. Rozman G. Sino-Russian Relations: Will the Strategic Partnership Endure? *Demokratizatsiya*, 1998, vol. 6, no. 2, pp. 396—415. (In Eng.)
37. Russett B.M. An Empirical Typology of International Military Alliances. *Midwest Journal of Political Science*, 1971, vol. 15, no. 2, pp. 262—289. (In Eng.)
38. *Russian-Chinese Joint Air Defense Drills Kick Off in Beijing*. Available at: <http://tass.com/defense/980318> (accessed 10.06.2019). (In Eng.)
39. Smith A. Alliance Formation and War. *International Studies Quarterly*, 1995, vol. 39, no. 4, pp. 405—425. (In Eng.)
40. Snyder G.H. *Alliance Politics*. Ithaca, Cornell University Press Publ., 1997, 449 p. (In Eng.)
41. Snyder G.H. Alliances, Balance, and Stability. *International Organization*, 1991, vol. 45, no. 1, pp. 121—142. (In Eng.)
42. Trenin D. *From a Greater Europe to a Greater Asia?* Available at: <http://www.globaltimes.cn/content/909121.shtml> (accessed 10.06.2019). (In Eng.)
43. Voskressenski A. *Russia and China: A Theory of Inter-State Relations*. London, Routledge Publ., 2003, 278 p. (In Eng.)
44. Walt S. *The Origins of Alliances*. Ithaca, Cornell University Press Publ., 1987, 335 p. (In Eng.)
45. Ward M.D. *Research Gaps in Alliance Dynamics*. Denver, University of Denver Publ., 1982, 107 p. (In Eng.)
46. Wilkins T.S. “Alignment”, Not “Alliance” — The Shifting Paradigm of International Security Cooperation: Toward a Conceptual Taxonomy of Alignment. *Review of International Studies*, 2012, no. 38, pp. 53—76. (In Eng.)
47. Wilkins T.S. Russo-Chinese Strategic Partnership: A New Form of Security Cooperation? *Contemporary Security Policy*, 2008, vol. 29, no. 2, pp. 358—383. (In Eng.)
48. Wilson J.L. *Strategic Partners: Russian-Chinese Relations in the Post-Soviet Era*. New York, M.E. Sharpe Publ., 2004, 314 p. (In Eng.)
49. Wishnick E. In Search of the “Other” in Asia: Russia-China Relations Revisited. *The Pacific Review*, 2017, vol. 30, no. 1, pp. 114—132. (In Eng.)
50. Wishnick E. Russia and China: Brothers Again? *Asian Survey*, 2001, vol. 41, no. 5, pp. 797—821. (In Eng.)
51. 举行联合军演：中俄会结成军事同盟吗？ [Joint Military Exercises: Will China and Russia Form a Military Alliance?]. Available at: <http://www.people.com.cn/GB/junshi/62/20020710/772735.html> (accessed 02.06.2019). (In Chin.)
52. 林经纬. 中俄军事合作的转变—从中俄联合军演探讨 [Lin Jingwei. China-Russia Military Cooperation — A Probe into China-Russia Joint Military Exercises]. *中国大陆研究*, 2006, vol. 49, no. 4, pp. 49—75. (In Chin.)
53. 中俄联合军演：解放军不再奉行不结盟政策 [China-Russia Joint Military Drills: The PLA no Longer Pursues the Non-Alignment Policy]. Available at: <http://junshi.cctv.com/20090714/105454.shtml> (accessed 09.06.2019). (In Chin.)
54. 中俄预防危险军事活动协定 [The Agreement on the Prevention of Dangerous Military Activities]. Available at: <http://www.chinabaike.com/article/baike/1000/2008/200805111442468.html> (accessed 11.06.2019). (In Chin.)
55. 中华人民共和国和俄罗斯联邦总统联合声明：互不首先使用核武器和互不将战略核武器瞄准对方 [The Joint Statement on the Policy of No-First-Use of Nuclear Weapons and Mutual Detargeting of Strategic Nuclear Weapons]. Available at: http://www.nti.org/media/pdfs/3b_1.pdf?_ =1316627913 (accessed 02.06.2019). (In Chin.)